

ГЛАВА 1

— И вот тут как раз привозят бабу. А ты прикинь, четвертый час утра... Мне либо поесть надо, либо вздремнуть, а то я сам труп. Ну, у меня бутерброды, чай налит, кушетку застелил — покемарить... И вот тут... Бабу я, конечно, принял. Расписался, где надо, оформил ее, то-се... И в коридоре у стеночки оставил — в мешке, как привезли. Думаю, поем, тогда уже разберусь. Полежит пятнадцать минут, ей теперь торопиться некуда. Колбаса еще такая была — сервелат... Ну ты же помнишь, Потапова, — подмигнул санитар. Шрам у Ольги на плече словно обожгло. Она непроизвольно потерла его ладонью и заколебалась: остаться слушать этот бред или уйти прямо сейчас?

— Вот сказал и сразу есть захотел, — с притворной досадой заключил санитар и повел носом. — Борщом пахнет.

— Не выйдет, Федя, — покачала Ольга головой. — Я тебя кормить не собираюсь. Захотел — так сам за себя и плати. А я вообще не понимаю, зачем тут сижу. — Она оглядела низкий зал трактира с замызганными стенами, подслеповатыми от грязи окнами и деревянными столами. Свой Ольга уже несколько раз протерла сухими салфетками, что стояли в подставке, но все еще опасалась ставить на него локти. Борщом, кстати, вовсе не пахло, зато от запаха выпечки забурчало в животе. Наверное, лучше уйти.

— Погоди, Потапова, сейчас поймешь. Я как раз первый бутер дожевывал, вдруг слышу: вроде какой-то шум в коридоре. Морг, как бы тебе сказать, Потапова, довольно тихое место, особенно ночью. Сначала подумал, это видосик у меня в телефоне. Вырубил звук, прислушался. Не, точно коридор. Пошел глянуть — а пакет ерзает! Это она там, видать, руками шарила. Сморщенная вся, ей лет сто, наверное.

— А ты что? — Витрина с пирожными у Фёдора за спиной дразнила изобилием. В ее центре возвышалась горка ванильных кексов, самый верхний держался вопреки всем законам физики и грозил обрушиться, раскатив по полкам остальные. Кекс разнузданно подмигивал Ольге с верхотуры своими изюминами. Хотелось надеяться, что это были именно изюмины.

— А что я? Мертвецы у меня еще не оживали. Это, между прочим, не привидения. — Ольга хмыкнула, но Фёдор был серьезен, почти суров: — Занервничал, конечно. Еще бы — живого человека чуть не угробили. А я потом отвечай. Куда эти дебилы на труповозке смотрели, вообще непонятно. Это я тогда так подумал. — Он хмуро проследил взглядом за единственным на все кафе официантом в неожиданно белоснежной рубашке с закатанными по локоть рукавами и идеально отутюженным фартуке.

— А сейчас что? Передумал?

— А сама как считаешь? — Санитар подался к Ольге и почти улегся на стол. Тот крикнул под его весом и напряг все свои ножки. — Если у меня... — Фёдор понизил голос и снизу вверх заглянул Ольге в глаза. — ...в следующую смену в холодильнике забальзамированный ожил?

— Ужас. — Ольга непроизвольно отстранилась. Посетители лязгали приборами о тарелки. Запах ванили начинал раздражать. — Считаю, врешь ты, Федя. Это если вежливо. Ну проворонили бабку, всякое бывает. И тысячи за такое не дам, не рассчитывай.

— Обидно мне, Потапова. — Фёдор откинулся на деревянную спинку. — Я тебе хоть раз врал?

— Хм, дай-ка вспомнить...

— В школе — не считается! — Он вскинул обе ладони. Они были отвратительно розовые

с короткими толстыми пальцами, похожими на детские сосиски.

— Ага. Ну вот — сразу в отказ. Тогда, значит, кофе с тебя? — Она кивнула на свой нетронутый капучино.

— Злая ты все же, Потапова. Это ты мне мстишь за те бутерброды.

— Не за бутерброды. — Ольга снова потеряла шрам под водолазкой. — А за то, что ты мне постоянно напоминаешь про эту гнусь, Федя.

— Ну ты даешь! На такую херню до сих пор злиться!

— Гадом ты, Фёдор, был, гадом и остался. — Ольга встала, стул пронзительно взвизгнул ножками по каменному полу.

— Да сядь ты! Я же не все рассказал...

Несколько голов повернулись в их сторону. Ольга нехотя уселась обратно.

— Не шуми только, — снизил он голос почти до шепота. — У нас главврач новый. Лютует, говорят. Узнает, что я тебе слил, уволит в тот же день. А здесь, сама понимаешь, работа на дороге не валяется.

— Выкладывай уже быстрее. — Вроде бы так просто: встать и выйти. Но Ольга почему-то оставалась на месте.

— Зря ты мне не веришь, — все так же шепотом продолжал Фёдор, отхлебнув кофе. — Думаешь, я тебя из-за недоумершей бабки

стал бы дергать? Пфф! Мне еще сменщик мой не понравился — какой-то странный был. Тороплюсь, говорит, дела семейные, то-се — и свалил. Это я потом понял, что за семейные дела, когда стук в холодильнике услышал. Вот тут уже, знаешь... — Он замер, выпучив глаза, на губах у него мелко лопались остатки молочной пенки. — ...вот тут уже страшно стало. — Федя схватил Ольгу за запястье. — Он вскрытый был, прикинь! — Ольгу передернуло, и она отняла руку. Фёдор не заметил, его, похоже, слегка трясло: — Вскрытый! С требухой внутри, но вскрытый. Готовый к выдаче, одет, в гриме, то-се. Я в холодильник захожу, а он на каталке сидит. Голову на звук повернул и на меня смотрит. Ладно бы я его живым знал — ну сама понимаешь. Я, грешным делом, решил, кто-то забрался и шутки шутит. А потом пригляделся: мой! Я ж его лично бальзамировал! Вот тут меня ноги и подвели. На пороге стою, пляюсь на него и шагнуть не могу, прикинь!

— И что сделал?

— Дверь тихонько прикрыл и стал руководству звонить.

— И?

— Не поверишь. — Федя шумно выдохнул. — Что, спросили, опять? Опять — прикинь! Ну, говорят, звони в терапию. Пусть койку готовят. А ты его туда отвези. Или отведи, как хочешь.

Я говорю: вы долбанулись? Я еще трупы под ручку не водил! А начальник мне: не ссы, Палыч, он тебя не покусает. И ржет, прикинь!

Фёдор отвернулся и хмуро уставился в окно. Оно зевнуло ему в лицо скучной улицей, где ветер играл в салки с пылью.

— В общем, отвез я его. Дверь приоткрыл чуток: не дай бог, думаю, он уже с каталки спрыгнул — пусть тогда сами везут или что хотят делают. Я им не обязан... Запру и оставлю. Но он сидел. Я тогда мешок порвал, в жгут скрутил, сзади к нему подкрался и на грудь ему — хоба! А потом к каталке привязал.

— Взяли?

— Конечно, взяли, куда им деваться! Не первый. Они таким палату выделили. Точнее, две: под баб отдельную. И запирают их снаружи, мало ли что. Но главное, главное: это ж не последний мой был-то. Я за смену еще пару отвез таких же, прикинь!

— Неубедительно, Федь. Не тянет на десятку-то. Не в Чудном. Хотя идея рабочая, согласна. Я тебе сейчас заплачу, припрусь в больницу, мне там пальцем у виска покрутят и отправят. А ты потом мне скажешь: просто они все скрывают.

— Клянусь тебе, Потапова! Вот не сойти с этого места! Я бы тоже не поверил! Но я же лично! Вот этими руками! — Он потряс перед ней пухлыми ладонями.

Ольга поморщилась.

— Может, у тебя — того? Ну Дымный¹ там? Шизофрения? — Скрыть брезгливость в голосе получилось не очень.

— Неуместен ваш сарказм, — обиженно выпрямился он. — Я же не один их видел. И ожидают они не только в морге.

— Да ну? И где же еще?

Он снова наклонился ближе к ней — Ольге снова пришлось отодвинуться — и зашептал:

— На кладбищах, Оль. У меня друзья есть... Ну как друзья — партнеры. Могилы вскрывают. И в некоторых — упс. Живые люди, прикинь.

— Уж простите мое любопытство, Фёдор, это профессиональное: а зачем они могилы вскрывают?

— Оль, ну ты совсем, что ли? Знаешь, как, бывает, хоронят? Перстни там, серьги. Айфоны в гроб кладут. Зачем они им там? — Он завел глаза и показал подбородком в пол. — А людям пригодятся.

— А ты, значит, типа бизнесмен? Сливаешь дружкам, кто для своих покойников айфона

---

¹ Дымный человек — фольклорный персонаж г. Чудный. Невидимый, он приходит к людям, после чего они необъяснимо умирают. Узнать о его приходе можно только по косвенным признакам. Может не убивать, но путать мысли, сознание и сводить с ума.

не пожалел? И начинал ты, Федя, гнусно, а теперь так вообще...

— Вот это уже не твое дело, договорились?

— На кой тогда тебе мои десять тысяч сдались?

— Совмещаю полезное с приятным. — Он скользнул взглядом к ее груди.

Ольга предупреждающе подняла руку:

— Поосторожней!

— Ладно-ладно. Ну как тебе тема? Сойдет для твоей унылой газетенки?

— Сам ты унылый! И врешь без огонька. Надо было стажера какого-нибудь к тебе отправить, а не самой время терять. И тема так себе. Не проверяемая.

— А вот это ты зря. У того мужика, ну, которого я в терапию сдавал, панихида на два часа назначена. Вот поезжай сейчас и посмотри, выдадут тело родственникам или нет. Если выдадут — ну что ж, значит, я наврал. Но сама увидишь. Не будет никаких похорон. — Он ткнул на кнопку смартфона на столе, глянул на экран. — Двадцать минут у тебя. Успеешь.

Чтобы зайти в морг, Ольга сначала лавировала между людьми, ожидавшими церемонии, потом потянула на себя истертую длинную ручку — и с первым же вдохом в горле булькнул спазм. Ольга постаралась дышать ртом, чтобы

меньше чувствовать запах. От формалина к горлу всегда подкатывала рвота.

В зале прощаний былолюдно. У стены кто-то в черном переключивал с места на место горку венков и двигал широкие пластиковые вазы, полные живых цветов. Возвышение, на которое обычно выставляли гроб, пустовало. Этажерка под темно-лиловой торжественной мантией в предполагаемом изголовье служила пюпитром для фотографии с черной лентой. С нее смотрел красивый, средних лет мужчина, в котором Ольга узнала одного из актеров чудновского драматического театра. Подпись под портретом гласила: «Пётр Валерьевич Сысоев». Маэстро, похоже, опаздывал на свой финальный бенефис.

У венков переступала с ноги на ногу заплаканная женщина в траурном платье и косынке.

— И спросить ведь некого, — растерянно обернулась она к молодому мужчине, тоже в черном.

— Побудь тут, мама, — ответил он, ласково притронувшись к ее руке. — Пойду поищу.

Он несмело толкнул боковую дверь с надписью «Вход только для сотрудников». Ольга выждала и шмыгнула туда же.

Облезлый коридор с кафельным гулким полом упирался другим своим концом в наружный выход. Из нескольких дверей по обеим

сторонам открытой была только одна, ближайшая. Запах формалина усилился и пригвоздил Ольгу к стене.

— Уважаемый, — донесся из-за двери голос зашедшего. — А где мой отец? Мы ждем уже двадцать минут, люди собрались, а вы тут... обедаете, похоже.

Ольга подошла к дверному проему и заглянула внутрь: три письменных стола вдоль стен, два из которых занимали компьютеры и документы. Между ними низкая кушетка. За третьим столом у черной микроволновки, придвинутой вплотную к стене, сидел человек в светло-зеленой застиранной больничной форме и, видимо, до этого момента с аппетитом уплетал борщ.

— А вам что, разве не звонили? — Санитар воззрился на мужчину, полная ложка зависла над высокой густо-синей миской.

— Кто, простите, должен был мне звонить? — мгновенно взвинтился молодой человек.

— Из отделения. Терапевтического.

— Зачем? — не по слогам отчеканил мужчина.

— Предупредить.

— О чем? — яростно-холодно спросил мужчина.

— Чтобы вы не приходили. Отменили все.

— Простите, что? Как это «отменили»? Вы выглядите наружу. Как я могу это отменить? Да как вообще можно отменить похороны?

— Не могу подсказать. — Санитар снова взялся за ложку.

Невозмутимости Федину коллеге было не занимать.

— Не м-можете сказать? А где тело моего отца — м-можете? Тоже не можете?

— Тоже не могу, — мотнул головой санитар, набирая в ложку. — У меня здесь нету.

— Вы что, издеваетесь? Это же м-морг. Где ж оно тогда?

— Я вам сейчас дам телефончик. — Санитар проглотил борщ, потянулся куда-то. — Записывайте.

— Не стану я никуда звонить! — рявкнул мужчина. — У меня умер отец! У меня горе! Это известный в городе человек! Попрощаться с ним пришли его близкие, друзья, п-поклонники! М-мы все оплатили, наконец! Какие м-могут быть звонки?!

— Послушайте, — терпеливо, но все так же невозмутимо сказал санитар. — Ну нету у меня его тела. Где я его вам возьму? Не верите — пойдите со мной, я вам все покажу. Вообще-то не положено, но уж ладно... Раз не верите — пошли в холодильник, в зал пошли, мне не жалко. Если найдете там вашего... — Он сделал жест рукой. — ...забирайте. Распишитесь только — и пожалуйста, я не против. — Он встал со стула. — Ну что, идем?

Мужчина невольно отпрянул, Ольга тоже автоматически отступила. Стоя санитар оказался на полголовы выше посетителя.

— Зачем мне чужие тела? — заартачился мужчина. — Мне нужен мой отец!

— Ну как хотите... Тогда телефончик все-таки запишите. Они во-о-он тут, в соседнем корпусе. — Санитар неопределенно махнул рукой. — Терапевты.

— Но что, простите, труп может делать в терапевтическом отделении? — подала Ольга голос из-за спины Сысоева-младшего. — Терапия для живых все-таки, я правильно понимаю?

Родственник резко обернулся, санитар глянул над его плечом.

— Я из театра, — расплывчато пояснила Ольга. — Люди ждут, послали вот выяснить. Так что, скажите, пожалуйста, может делать покойник в терапии?

— Мне откуда знать, — пожал плечами санитар. — У меня вообще обед, а вы тут ворвались! Номер диктовать? Или идем в холодильник?

— Давайте номер, — решила Ольга и, пока родственник мешкал, достала телефон.

— Но... но что же я скажу людям? М-маме? — пробормотал несчастный сын.

Санитар покачал головой:

— Ну отмените все. Вы это... — Увидев, что Ольга набирает номер, санитар стал теснить

их сначала в коридор, а потом в сторону зала прощаний. — Вы оттуда позвоните. У меня работа.

— Погодите, там толпа людей, все на нервах, оно вам надо? — уперлась Ольга. — Давайте мы все же здесь решим.

— Терапия, — ответили Ольге.

— Добрый день, — затараторила она, — мы родственники умершего актера чудновского драматического театра Сысоева. Сегодня в четырнадцать тридцать должна была состояться панихида...

— А потом отпевание, — дернул ее за рукав сын усопшего.

— А потом отпевание! — кивнула ему Ольга. — Все готово, пришли люди, принесли венки, нас ждут в церкви, а труп не выдают! Простите, тело, — поправились она, заметив, как искривилось лицо сына. — Тело не выдают! Вместо него в морге дали ваш номер.

— Минутку, — сказал голос, потом трубку, очевидно, положили на стол, и слышно стало, как отдаляются чьи-то шаги.

— Алло, добрый день, — раздался в трубке приятный, круглый мужской голос. — Заведующий отделением Антонов. Что вы хотели?

— Мы ищем тело артиста Сысоева, — уже раздраженно сказала Ольга. — А в морге его нет. Говорят, оно у вас.

— Может, и у нас, — согласился Антонов. — Но это не точно.

— А вы проверить не хотите? — разозлилась Ольга.

Сын усопшего стал делать ей знаки:

— На громкую включите! На громкую!

Ольга ткнула пальцем в нужную кнопку.

— Вы не знаете — а мы, что нам делать?! — сорвался на крик Сысоев-младший. — Это, в конце концов, мой отец! Что вы с ним сделали?

— Молодой человек, — устало произнесли на том конце. — Никто с ним ничего не сделал. Если, как вы говорите, он умер...

— Да, умер! Верните мне тело отца немедленно!

— ...если он умер, ничего хуже с ним произойти уже не может. На домашний адрес пациента Сысоева, указанный в карте, было отправлено официальное уведомление. Так что ждите. Всего хорошего!

На экране телефона высветился отбой.

— Такой вот ненавязчивый сервис, — буркнула Ольга.

— Ну дела! — пробормотал Сысоев-младший и ослабил узел траурного галстука. — Ну дела... И что теперь? Что им всем сказать?

— Скажите, что похороны отменяются, а дальше всех оповестят. Хотите, я объявлю?

— Хочу! — обрадовался он. — Будьте так добры.

— Вы тогда идите, я вас догоню. А вот матушке вашей придется, конечно, поподробней. Вы пока с ней поговорите.

— Вот что, Фёдор, — произнесла Ольга в трубку, пока мимо плыл поток одетых в темное людей, расходившихся с отмененной панихиды. — Сменщик твой все отрицает. Про зомби не слышал, а некоторые тела, говорит, забирают. Зачем забирают — не знает. Вопрос теперь, кто кому должен. Я тебе десятку за какую-то лажу или ты мне — за то, что я с тобой кучу времени потеряла? Как будем решать?

— Конечно, он тебе не скажет, — хмыкнул Фёдор. — А ты на что рассчитывала? У нас жесткие указания, я ж говорил. Узнают — тут же с работы вылетишь. Надеюсь, ты про меня не упоминала, Потапова?

— Спокойно, Федя. Я свое слово держу, в отличие от некоторых.

В трубке послышался вздох облегчения.

— Но тела-то не было, так?

— Не было. — Ольга проводила взглядом жену — или вдову? — Сысоева, которую вели под руки в сторону катафалка. — Но мало ли что там случилось. Может, эпидемия какая-то опять, и они пока изучают. Откуда мне знать.

— Ну да, ну да. Забрали, значит, зараженные тела поближе к больным, в терапию, то-се. И там изучают. Лаборатория-то у нас, если что.

— А я откуда знаю, терапия это была или нет? Мало ли что за номер.

— Терапия-терапия, не сомневайся. Их там уже штук десять, жмуриков. Какая-то ты, Потапова...

— Жадная? — подсказала Ольга. — Как ты со своими бутербродами?

— Недоверчивая, — вывернулся он. — Стараясь для тебя, а что взамен?

— Ладно, обиженка моя. — Ольга в сердцах пнула медово-кофейный камешек — бывшую гордость затопленных чудновских каменоломен. — Давай так решим. Я хочу своими глазами видеть ожившего покойника. Ты говорил, у тебя копатели? Вот пусть они меня с собой и возьмут. Вскроем парочку свежих могил, посмотрим, что там внутри, порезвимся, одним словом. Если ты прав — договор в силе. Ну?

— Что... — Федька прочистил горло. — ...так и пойдешь посреди ночи кладбища обносить?

— Что ты! Главному редактору это не по статусу. Отправлю, пожалуй, кого-нибудь из отдела происшествий. А потом еще заставлю репортаж написать: «Осквернение могил: хобби или бизнес?»

— Знаешь, Потапова, может, ты там и главный кто-то, но точно дурнее, чем я думал.

— То есть расходимся? Жду тогда свою десятку.

Ольга посмотрела на погасший экран и мстительно усмехнулась. Пахло пылью, сыростью с реки и глупыми весенними надеждами. Компания каких-то там могил могло быть только шальной Федькиной выдумкой.